

Борис ОРЛОВ

Прозрение
Стихи

ПРОЗРЕНИЕ

Стихи

Борис Орлов

ПРОЗРЕНИЕ

СТИХИ

*Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Правительства Санкт-Петербурга*

**Санкт-Петербург
2025**

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
О-66

О-66 **Орлов Б. А.** Прозрение. Стихи. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2025. — 176 с. : ил.

ISBN 978-5-91281-142-5

В книгу Бориса Орлова «Прозрение» вошли стихи, написанные поэтом 1977–1992 гг. Это было переломное для нашей страны время. Автор чувствовал приближение геополитической катастрофы и передал это ощущение в стихах, которые стали пророческими.

Тревога за ухудшающуюся экологию, за место человека на Земле, за его духовно-нравственное состояние и связь с космосом, в строках, написанных более 30 лет назад остается актуальной и сейчас. Вечные истины остаются вечными.

УДК 82-1
ББК 84Р7-5

© Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2025

МОСТИК МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Мир литературы — одна из составляющих мира человеческой цивилизации. По древним литературным источникам мы можем судить о взаимоотношениях между людьми, об устройстве общества, экономике и культуре.

Зачастую видно, что период расцвета той или иной сформировавшейся народности может длиться всего несколько десятков лет. Но именно эти годы остаются в истории.

Как говорится, нелегко жить в эпоху перемен, но именно она даёт возможность более глубоко оценить прошлое и настоящее, сделать прогнозы на будущее.

Стихи, представленные в книге «Прозрение» были созданы более 30 лет назад. Срок немалый. А написаны они были мною в годы заочного обучения в Литературном институте имени А. М. Горького и в последние шесть лет существования Советского Союза.

Знакомство с западной и отечественной литературой, с ведущими учёными и писателями,

преподававшими в Литинституте, помогло сформировать мировоззрение, понять, что такое вечное, а не сиюминутное, поставить перед собой цель на будущее.

Мысли, которые волновали меня, волновали и моих предшественников. Будут они волновать и представителей будущих поколений.

Издать свои стихи я решил, чтобы молодые читатели почувствовали связь между поколениями, диалектическое развитие общества.

Надеюсь, что она станет мостиком между прошлым и будущим.

Борис Орлов

Рожден под созвездием «Рыбы»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

И морской офицер, и поэт...
Три минуты затишья в эфире.
Мне исполнилось тридевять лет
В тридевойтой казенной квартире.

Стынет в кружке технический спирт,
А над кружкой топорщится сало.
Не до женщин... Какой уж тут флирт! —
Быт по разным углам разбросало.

Для поэзии дверь распахну.
Свечки в черствой буханке — не в торте.
Жизнь люблю. И судьбу не кляню.
Блок — на полке. На поясе — кортик.

Туз бубновый. И дама крестей.
Картам нет, словно женщинам, веры.
И шепчу я: «Все как у людей...»
И пою: «Господа офицеры...»

ЗАЛИВ

Замерз на лету молчаливо
Сорвавшийся с кручи ручей.
И кажется, что над заливом
Не будет весенних речей.

Горбатые льдины, как четки,
Швырнул океан под волну.
Уходит подводная лодка
На полюс, вспоров глубину.

Наверное, встречу не скоро
На праздничном пирсе друзей.
...В отсеках немного простора,
Поэтому сердце слышней.

* * *

Памяти В. Юдина

В нейтральных глубинах снуют корабли —
Носители ядерной смерти.
Ушли в океан — не из жизни ушли:
Вы страхом опасность не мерьте!

За нашей подлодкой — невидимый след.
Не будет ни криков, ни шума.
Возможно, вернемся, а может быть, нет.
Но лучше об этом не думать!

В ЛЕНИНГРАДЕ

Тане

Я не был год
У розовых колонн.
Жизнь пролегла
Негладко и непросто.
Рвут надо мной
Вечерний горизонт
Под облака взметнувшиеся
Ростры.

В разлуке напридумывал
Тревог,
Нелепо волновался
Без причины.
А ты жила
Дыханьем давних строк.
Мою подлодку
Прятали глубины.

Где вымытый гранит
Щербат и сер,
Куплю, как прежде,
Белые гвоздики.
Навстречу рыжим ветром
Хлынет сквер,
Услышу
Журавлей усталых крики.

Чтоб растопить
В твоих земных глазах
Проникший в сердце
Холод Заполярья,
Остановлюсь несмело
В двух шагах
Я, обошедший
Оба полушарья.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Отогрею лиру под шинелью
И охрипшим голосом своим
Запою, как мечутся метелью
Чайки
и в заливе спит Гольфстрим.

Стынет солнце, словно самородок,
На скале, лучом задев радар,
Над стальными люками подлодок
Виснет, как над прорубями, пар.

Губы, обожженные норд-вестом,
Замолчат... Но, сбросив холод снов,
Этот мир откликнется оркестром
Вьюг и корабельных ревунов.

* * *

Осторожно проклюнулся день
В оперенье полярных сияний,
И отхлынула к полюсу тень,
Обнажив ледниковые грани.

Мир еще не оттаял, и свет
Заскользил по безжизненным рекам,
Словно эхо с далеких планет,
Что состарились без человека.

Не колышутся впавшие в сон
Водопадов крутые ступени.
Но уже потеплел горизонт —
Мой предел и дорог и стремлений.

* * *

Литые волны хмурого залива
Штурмуют скалы, как морской десант.
Мои друзья не говорят красиво —
Привычнее для них слова команд.

Их согревают флотские шинели
В стерильный холод и в озонный дождь.
На плечи росомами метели
Бросятся из карликовых рощ.

Они словам не верят — верят фактам.
Им непривычны выходные дни.
И что такое ядерный реактор,
Своею кровью чувствуют они.

* * *

*Памяти умерших
от лучевой болезни*

Они в списках павших не значатся,
Их с нами в компаниях нет.
Коварнее пульь радиация —
Невидимый дьявольский свет.

Вокруг ни войны, ни пожарища...
Их смерть, как прыжок затяжной, —
Мучительно наши товарищи
Уходят с арены земной.

От вектора жизни до фактора —
Кончины незримый распад.
В разбуженных недрах реактора
Таится урановый ад.

КАРТИНА

Забыли о том, что над нами
Кромешная толща воды.
Каюта. В березовой раме
Картина: на ветках дрозды,
Деревья на фоне болота.
И мы после флотских трудов
В холодных и теплых широтах
Пьем чай возле этих дроздов.
Уже надоели глубины
Мельканьем наскучивших лиц.
И льется в каюту с картины
Беззвучное пение птиц.

* * *

*Памяти капитана 3-го ранга
В. Юдина*

Юность прошла словно грипп —
Жаром любви окатила.
Заматерел и охрип,
Жизнь изваял из тротила.

Грозди дневных облаков
Снегом укутали крыши.
В тесном кругу моряков
Море трагедией дышит.

Гибнет отсек под водой —
Круг превращается в точку...
И под замерзшей звездой
Плачет жена в одиночку.

* * *

Опять поминки... Горькие слова.
А дружба стала проходным двором:
Друзья под снег уходят, как трава.
Зимой им вслед не чертыхнется гром.

И пьем. И на груди рубахи рвем.
И проклинаем женщин всех мастей.
Но, кажется, лишь для того живем,
Чтоб провожать в последний путь друзей.

* * *

Гудит планета, словно барабан.
Землетрясения рвут природы лоно.
И нервы, как в реакторе уран,
Сгорают — становлюсь опасной зоной.

Все гибнет — от слона до воробья.
И фауне уже не сбиться в стадо.
Я, разрушая жизнь вокруг себя,
Стал вредною частицею распада.

В болезнях ли, в озонной ли дыре
Мы растворимся глиняным колоссом?
Как в устье мутной Леты,
на Земле
В людей сливает стоки вечный космос.

* * *

Нам казался веселым и сырым
Лейтенантский хмельной неуют.
Нам старухи сдавали квартиры,
Словно крепости в битвах сдают.

По задворкам лесного пространства,
По околицам мирной страны
Жили...
В службу впадали, как в пьянство,
Заложив душу богу войны.

А потом оставлять полигоны
Нам предписывал строгий приказ.
И, снимая ремни и погоны,
Как в себя, уходили в запас.

ШУТКА

Шторм во флотской походе,
В планках орденских китель.
Ходит в черной пилотке
Мой ангел-хранитель.

А характер не кроткий —
Кроет в мать и в царя.
Ангел в черной пилотке —
Командир корабля.

* * *

Вокзал. Бессонница. Фрамуги
В следах метельных виражей.
А бывшие мои подруги
Спят дома около мужей.

За обещанья и улыбки,
За ложь святую не виню...
Их счастье станет зыбким-зыбким,
Когда случайно позвоню.

* * *

Словно белые ангелы,
На мои плечи садятся метели.
Их зовет звездное небо,
Отразившееся в погонах.
А когда сильный ветер
Распахивает огромные крылья
Флотской шинели,
Я становлюсь
Черным демоном.

...Скоро встречу шторм.

Но все еще о лете
Разговоры,
Хоть пар и замерзает
Возле рта.
Стрекочут, как кузнечики,
Приборы
В затишии
Центрального поста.

А на рассвете
Краткий шифр команды
Нам ясно растолкуют
Маяки.
И загрохочут,
Словно камнепады,
На палубах
Матросские шаги.

* * *

Гостиничная койка.
Щербатое трюмо.
На тумбочке белеет
забытое письмо.
Не греет батарея.
Шныряют сквозняки.
Не скоро дочитаю
две летние строки.

* * *

Мы не против наград и чинов.
Наигравшись в подводные жмурки,
Колем дырки мы для орденов,
Примеряя в отсеках тужурки.

Вероятный противник... Опять
Мы за ним обогнули полсвета.
В иностранных трескучих газетах
Шторм словесный уже не унять.

Орденов не видать в этот раз —
Вслед нам ноты протеста летели.
Ждут нас люди в Особом отделе.
А ведь мы выполняли приказ!

В РЕАКТОРНОМ ОТСЕКЕ

Бросив на крышку реактора
Ватник,
Дремлет подводник —
Скиталец и ратник.

А по щеке его,
Нагл, как цыган,
Полупрозрачный
Ползет таракан.

Их породнили
Нейтральные воды,
Всплеск радиации,
Кризис свободы.

...С ядерным грузом
Уйдя в океан,
Сотни чернобылей
Плавают уран.

* * *

С Севера вынырнув, словно из проруби,
Жадно дышу Ленинградом.
Мысли порхают, как дикие голуби,
В стае с густым листопадом.

Трудно года мои плыли и ехали
Сквозь ледниковые мили.
В лиственном небе, изрытом прорехами,
Солнечно светятся шпили.

Все позабудется, все перемелется —
Жизни жестокий закон.
Дышится легче и в лучшее верится
Возле Ростральных колонн.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Дождь умолк. Отодвину портьеры,
Дверь открою. По луже в саду
Водомерки снуют, как триеры
В древнегреческом знойном порту.

Горизонтом раздавлено солнце.
В ресторан покачу на такси.
Поплывут из карманов червонцы,
Как из рваных сетей караси.

А потом — до свиданья, подруга,
И душа, и карманы пусты.
Прикурю у Полярного круга
От подземной алмазной звезды.

* * *

Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.
За подоконником — галка,
Солнце, березы, овраг.

Снова шинель мою лето
Плотно скатало в рулон.
Два золотистых просвета
Перечеркнули погон.

Службу на время оставил —
Муза зашла впопыхах.
В строгом военном уставе
Нет статьи о стихах.

Стал подозрительным — жалко!
Шепчут: «Что пишешь, чудаки?»
Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.

НА АТОМНОМ ПОЛИГОНЕ

От жара плавится луна —
Сон тяжелей похмелья.
Как из бутылки — джинн, война
Ползет из подземелья.

Тревожно в бункере встречать
Ночь атомным оружием.
И все труднее различать:
Воюем или служим.

* * *

Камни, кусты, пригорки —
Сектор стрельбы для глаза.
Тоненький сборник Лорки
В сумке противогаса.

Не разучился плакать
За два военных года.
Дышит свинцом атака.
Дышит стихом свобода.

* * *

Зачем мы враждовать должны?
Всем хватит счастья и простора...
Планета — яблоко раздора,
Но рождена не для войны.

Ее особые права
На мир
Смирят людские страсти.
Она не делится па части —
И этим именно жива.

Когда ломается эпоха,
Трещат и судьбы, и хребты

ПЕСНЯ

Жил — не жил:
Календарь перекидывал.
Ни друзьям, ни врагам
Не завидовал.

И каштан отцветал.
И жасмин расцветал.
И, листая тома,
Я покой обретал.

Водку пил,
Но друзей не закладывал.
И загадок врагам
Не загадывал.

Чайной ложкой
Секунды в стакане мешал.
Что хотел, то писал.
Как хотел, так дышал.

И ворчали порой,
Что я груб и упрям.
Но прощали меня —
Был я честен и прям.

Жил — не жил:
Календарь перекидывал.
Ни друзьям, ни врагам
Не завидовал.

* * *

Мы со времен царя Гороха
От правды прячемся в кусты.
Когда ломается эпоха,
Трещат и судьбы, и хребты.

Пророк осмеян и освистан,
Толпой зачислен в дураки.
С трибун вещают гуманисты,
А правят миром мясники.

Как из концлагеря, вопросы
Выводят нас из тупика.
Вся жизнь — сплошные перекосы
От алтаря до кабака.

* * *

И обматерят, и псы облают —
Не чужой в стране, но и не свой.
Словно пламя факела, пылают
Страсти над моею головой.

Я не сдохну клячей пристяжную
И не буду вздернут на столбе.
Жизнь — самоубийство затяжное,
Жизнь — самосожжение в толпе.

* * *

— Не плачь, мать, не убьют.
А немца мы осилим.
Побереги коня —
Война не на века.
И дед мой, кирасир,
Встает за честь России
Под знамя
Лейб-гвардейского полка.

Он весел и красив,
Собой вполне доволен,
Еще не видел крови
И не копал могил.
...Но с Первой мировой
Вернулся хмур и болен,
Как будто целый мир
За год похоронил.

Два фото:
До войны с друзьями дед
И после —
Один,
Он с костылем, как тысячи калек.
Конь сдох.
И не родит уже, как прежде, поле.
Война не на века.
Но год войны, как век.

МОНОЛОГ ЕСЕНИНА

А в горле ком от этих горьких строф.
Душа как будто лодка на приколе.
Ну, что же ты молчишь, Мариенгоф?
Друзей вокруг не так уж много, Толя!

В моих словах, ты знаешь, нет вранья,
И я в жилетку никому не хнычу.
Но слухи, словно стаи воронья,
Кружатся надо мной, ища добычу.

Я болен. Ну а мне бы жить да жить.
Прозрение не утопить в стакане.
Поэтом быть трудней, чем просто быть.
И по-иному никогда не станет!

* * *

Древний Кремль и Колыма.
Вера в иноверца.
Демократия ума.
Диктатура сердца.

Человек раздет-разут,
Молится острогу.
А душа? На Страшный суд
Собралась в дорогу.

1938-Й ГОД

Памяти П. Дыбенко

Идет к стене, сутулясь,
Матрос, что Зимний брал.
И обрывают пули
«Интернационал».

Сибирские морозы.
И слепота ночей.
И страшно то, что звезды
На шапках палачей.

* * *

Почаще Христа вспоминайте!
Иуду найдем по глазам...
Не бейте его, не пинайте —
Иуда повесится сам.

А если Христа позабудут,
То есть у Иуды двойник.
К кресту приколотит Иуду
Любимый его ученик.

* * *

Молью изъеденный год.
Главная площадь столицы.
Стерты трибунами лица,
Весел безликий народ.

Лозунги ценят — не мысли! —
В склепах послушных колонн.
Памятью в прошлое выслан
Я, как в штрафной батальон.

Целят колоннам в затылок
Личной охраны стрелки.
В прошлом — ни фронта, ни тыла,
Вместо людей — пиджаки.

В СТОРОЖКЕ

Над лесом луна вполнакала горит.
В сторожке темно. «Дед, скажи-ка
на милость,
Случилось здесь что-нибудь?» «Нет, —
говорит, —
За жизнь мою здесь ничего не случилось.

Здесь люди, как листья осин, не тряслись,
Менялась, наверное, только погода.
И не было тех, что когда-то звались
Ни много ни мало — врагами народа».

Я слушаю деда. Смотрю на золу —
Давно угли в печке огнем отыграли.
Вдали от столицы, в медвежьем углу,
Здесь все люди смертью своей умирали.

ОТЦУ

Из калитки ты шагнул в войну
С легкою котомкой за плечами
И, как предки к правде в старину,
Шел по ней и днями и ночами.

В поисках всемирной тишины
Укрощал безжалостные доты
И в Берлине вышел из войны
Через Бранденбургские ворога.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он в хату вошел невесел.
— За душу молились?.. Ждали?..
И рядом с иконой повесил
На стену свои медали.

Друзей поминал. И плакал.
Казалось, что мир нереален.
И грозно смотрел из мрака
С медалей Иосиф Сталин.

ИНВАЛИД

Рассыплет молнии гроза —
И волны заблестят.
Он столько видел, что глаза
На небо не глядят.

Идет безмолвно на причал
И палочкой стучит.
Он столько на войне кричал,
Что до сих пор молчит.

* * *

Памяти В. Бакина

Уже не действует снотворное,
Боль безысходней и острей,
И освещенье коридорное
Бьет водопадом из дверей.

Врачом была болезнь обещана
Легка, как над райкомом флаг.
Но льется, словно лава в трещины,
В глаза больного вечный мрак.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

«Танки прут... Их пуля не берет...
Взвод в земле... В живых лишь я, сынок!
Оставляю сорок первый год,
По России пятясь на восток».

Он заплакал... Распахнул окно...
Прохрипел, садясь на табурет:
«Помни: поражение одно
Не забыть и после ста побед!»

Отступленья, пепел, плач сирот
От отца ко мне приходят в сны.
Поминаю сорок первый год,
В семье не вернувшийся с войны.

* * *

В июле стог сметал отец
И лег в сырую землю.
Блестит луна, как бубенец,
Медвежьи сосны дремлют.

Отца помянем. По сто грамм
Нальем. Закусим луком.
А стог стоит, как светлый храм,
Над сиротливым лугом.

* * *

России основа —
Русь в битвах созрела.
От русского слова
Российское дело.

По-разному жили:
И факты, и сплетни.
Россия — пошире,
А Русь — поконкретней.

* * *

И вмешаются боги,
В небе плазмой пыля,
В коммунальные склоки
На планете Земля.

Помирят нас, без крика
Настояв на своем.
Только жаль, что безлико
В мире мы заживем.

* * *

Проточная Москва.
В ней бьют ключи вокзалов
И смешивают речь
воронки площадей.
И слово прочь плывет,
и олово, и слава,
Подмыв, как берега,
авторитет вождей.
Сорвало с якорей
течением наши души,
На их пути шумит
порогом древний Кремль.
Проточная Москва
в себе барьеры рушит.
Так почему же нас
опять несет на мель?!

* * *

Россия... И солнце, и сырость.
И песня, и мат из окна.
Нам деды дарили на вырост
Страну, чтоб не стала тесна.

Решали все с жару да с пылу,
Крестили кнутом — не крестом.
А время безвременьем было,
Но мы-то не знали о том.

«Вперед к коммунизму! Давай-ка...» —
Но в морг унесли трубача.
Россия свисает фуфайкой
У дряхлого деда с плеча.

* * *

На честных вождей недород,
Зато расцвели фарисеи.
Беда корчевала народ,
А вместе с народом — идеи.

Безумная рубка войны.
Дремучих иллюзий разливы.
И выросли люди-вьюны.
И выросли люди-крапива.

То ямою жизнь, то бугром,
И кажется: шею ломаем.
Такой по стране бурелом!
Но словом, как спичкой, играем.

* * *

Висячий мост и веера ветвей,
Овраг с ручьем — невзрачна панорама.
Облезлый кот живет на крыше храма,
А храм стоит без окон и дверей.

Уходит день калекой из калек,
Пьют из бутылок пьяный гнев мужчины.
И, словно клейма, тайно ставит век
На лбы людей печальные морщины.

Нырнув под крыши, нервный город спит
И бредит кофе импортным и свеклой.
И крепок мат подростков, словно спирт,
И визг девчонок градом бьет по стеклам.

Пусть лучше спят: слепому не помочь,
В такую тьму в пути ослепнет зрячий!
Где прошлое? Где будущее? Ночь
Легла меж ними, словно мост висячий.

* * *

Меня и поймут и простят
Друзья, опьянев от свободы.
Я, словно незрячих котят,
Топил в себе юные годы.

За это и доля тяжка:
Мне жизнь отравляли болезни.
Как древнюю пыль из мешка,
Из сердца вытряхивал песни.

Хотелось туда, где стрижи
Над бытом летали без страха.
Но тело не сбросить с души —
Оно не цветная рубаха.

ГИТАРИСТ

Раздарен поцелуям и гитарам
Июньский вечер — баловень судьбы.
И лопнул светлый парк
Воздушным шаром,
Рассыпавшись на липы и дубы.
Парк по скамейкам растащили пары.
А где остался ревности клочок,
Ощипывает музыку с гитары
Под липой захудалый мужичок.
И звонко, словно струны, связи рвутся
Любовные — в изменах и в вине.
Он песней просит женщину вернуться.
Да только песни нынче не в цене!

ГОРОД

Фонарь у подъезда остынет.
Трамвай приползет, словно клоп.
Наверное, скоро нахлынет
На город всемирный потоп.

Живем — каждой твари по паре.
Не город, а Ноев ковчег.
Бренчим у подруг на гитаре.
Приходим домой на ночлег.

Нас город гоняет по кругу,
Изменами душу губя.
Кричим — и не слышим друг друга.
Молчим — и не слышим себя.

* * *

В выходной машину у развилки
Остановит некто, живший тут.
Заросли поля, а вот могилки,
Словно клумбы пестрые цветут.

Нет села, а кладбище осталось...
Чтоб не обрывалась с прошлым нить,
Горожане в этот край усталый
Матерей привозят хоронить.

* * *

Забор. Сорока на калитке.
Ольшаник. Вербные кусты.
И наступают пирамидки
На деревянные кресты.

Я разведу кусты рукою —
В безвестный холмик ткнется глаз.
И нет ни вечного покоя,
Ни вечной памяти у нас.

* * *

Колокол безъязыкий...
Умер вечерний звон.
Кустикам земляники
Яблони быют поклон.

Что же, босой и сырый,
Ягоды мну в горсти?
Поле! Ты нас помилуй.
Кладбище! Нас прости.

* * *

Во времена Голгоф
И мафиозных кланов
Свергли чужих богов,
Ставим своих истуканов.

Слышатся вдоль страны
Скрип и бездумный скрежет.
Статуи заменены,
А пьедесталы те же.

БЕСПАМЯТНЫМ

История и вам свое воздаст,
Забвеньем на забвенье вам ответит.
И вы отцами будете. И вас
В проклятьях похоронят ваши дети.

Зло — порожденье зла, добро — добра.
Законы жизни люди не отменят.
Вокруг планеты, словно мошкара,
Вы кружитесь, не оставляя тени.

* * *

Бах мечется в органе
И рвется в облака.
Мятежны лютеране,
Но вера их легка.

Органом души лечат
И лечат голоса.
Им легче жить и легче
Умчаться в небеса.

НА ДАЧЕ

В. Шермушенко

Растворяется в сумерках лес,
Словно сахар в остуженном кофе.
Зимний вечер хронически трезв,
Желт циррозного месяца профиль.

Нет здоровья... И где наша статья?
В прошлом — женщины, водка и споры.
Скоро Библию будем читать
И вести о душе разговоры.

БОЛЬНИЧНЫЕ СТИХИ

Хирург не услышит последний зов —
Держаться за жизнь невмочь.
Как скальпели, стрелки стенных часов
Разрежут и день и ночь.

Хрипящие койки. Блужданье глаз.
Вся жизнь поросла бельем.
Наверное, вынесут после нас
Родне узелки с бельем.

* * *

Циферблат подсолнуха раздавлен
Каблуком чужого сапога,
Время остановлено. И ставни
Заперты. Сгустились облака.

Постою у сгнившего забора,
Соберу осенние слова.
Время остановлено. И скоро
Дряхлый дом сломают на дрова.

Из-под крыши детскую картинку
Ветер унесет за горизонт.
...И под сердцем не растопишь льдинку.
И в душе не сделаешь ремонт.

* * *

Отчадит в саду слепая ссора —
Кружит сплетен черная зола.
В семечках из яблока раздора
Постепенно зреют корни зла.

Из золы пробьется лист незрячий.
Зашумят незрячие сады.
Яблоко от яблони... А значит
Страшно собирать ее плоды.

* * *

Переходный возраст. В рукаве
Прячу нож. И водку пью с друзьями.
Драка. Пятна крови на траве.
Я хожу неделю с синяками.

Не ищу в начале жизни брод.
Любопытство преданной собаки.
Переходный возраст — переход
Через пьянство, воровство и драки.

* * *

Бунтует похмельное племя,
Безвестности вволю испив.
Опять нас копирует время,
Сомненьем своим наделив.

В быту, как на сцене, играем
Роль сына, спалившего дом.
И вроде бы все понимаем,
Но все до конца не поймем.

Нет мыслей — одни междометья,
Мы лесть принимаем за честь.
На грубом надгробье столетья
Не все еще надписи есть.

* * *

Мир, не охраняем дипломатами,
Может вспыхнуть, словно водород.
Семьи распадаются, как атомы,
Излучая немощных сирот.

Создан крематорий человечества:
Атомный Чернобыль — боль и быль.
Горек дым горящего Отечества.
И горька урановая пыль.

* * *

И тяжело, и больно.
Курсив письма пунцов —
«Погиб товарищ школьный
Володя Беленцов».

Любительское фото
Смеется со стены.
Нас меньше с каждым годом,
Хотя и нет войны.

ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН¹

Взошел над зеленою зоной
Безвременно Черный тюльпан.
За что в материнские стоны
Нас в цинке отправил Коран?

Мы стали чужими в Кабуле,
А думали: едем к родне.
Досталось по импортной пуле
На экспортной этой войне.

* * *

В Сахаре — пирамиды.
В Сибири — лагеря.
На чашах у Фемиды
Мы правду ищем зря.

¹ Так называли самолет, на котором перевозили тела погибших за Родину.

Гармония природы
К трагедии близка.
И взвешены народы.
И взвешены века.

Россия — Атлантида.
Тишь зноя — брань грозы.
Незрячая Фемида
Испортила весы.

* * *

И очаг наш порою тух,
Но семья доброту хранила.
Он загадочен, русский дух, —
В состраданье таится сила.

Такова у людей судьба:
Веселятся, грустят, страдают.
Русь избой была, но изба
Никогда не стояла с краю.

* * *

Я в прошлое вхожу,
Кивая первым встречным.
Здесь все свои,
Здесь нет забвенья и могил.
Я к вечности привык,
Не думая о вечном.
— Привет, старик Гомер!
Как Троя? Где Ахилл?

Вокруг и лютый зной,
И лютые морозы.
То Сирин запоеет,
То затрещит сверчок.
Ответит мне Гомер
На все мои вопросы.
Потом пойду к Рембо
В «Зеленый кабачок».

Здесь всем нам суждено
Одной семьей собраться,
Обиды позабыв
Среди сгоревших дней.
О вечность! Ты хранишь
И равенство, и братство.
Тиранам нет пути
В республику теней.

ЭХО

Воровская грусть магнитофонов —
Песню не упрячешь под замок.
Импортное эхо из притонов
Принесло блатной корявый слог.

Сердце бьется сумрачно и глухо.
Музыка не согревает кровь.
Да, немало в песне русских слов,
Но совсем не пахнет русским духом.

* * *

Настольная лампа
Луною полночную светит.
Бумага шуршит —
Словно пули, ложатся слова.
Друзья забывают:
Наверное, в классики метят.
Враги вспоминают...
На месть предъявляют права.

Ну что ж, я готов!
Принимаю и то и другое.
Веселые песни
В пыли убаюкал чердак.
Прострелено сердце навывлет
Горячей строкою.
Но хлещет из раны не кровь,
А полуночный мрак.

Нас грани терзают —
Кубической стала планета.
Друзья забывают,
Врагов — больше прожитых лет!
О смутное время!
Мы с детства отвыкли от света.
Мы слепнем и гибнем,
Когда нас выводят на свет.

* * *

Приходите ко мне на поминки,
Прихватите с собою гитары.
Не снимайте в прихожей ботинки —
Пусть заходят дожди и бульвары...

Уступите меня переулку.
Я не умер... Ушел на прогулку.

* * *

Памяти А. Галича

И пророки мы, и мессии...
Не ищите по адресам.
Продолжается из России
Эмиграция к праотцам.

Оформляют на выезд визы
Пуля-дура, петля и яд.
На экране церковной ризы
Души свечками догорят.

Прочь от скопища тел порожних!
По июлям и январям
Эмигрируем без таможни,
Оставляя стихи друзьям.

Не за водкой и не за чаем,
Без святош и без подлецов
В одиночестве мы вещаем
На Россию от праотцов.

* * *

Я отошел от алтаря —
Тяжел церковный слог,
Сжимает горло, как петля,
Библейский монолог.

Суров иконный трибунал.
Архангелы трубят.
Предатель-профессионал
Иуда прячет взгляд.

И полумрак, и духота...
В церковной тесноте
Свободно место для Христа
Лишь только на кресте.

* * *

Ни вождю не доверюсь, ни богу —
Слишком многих они провели.
Потому, собираясь в дорогу,
Понемногу сушу сухари.

Ветром сосланы тучи на север
За дожди и за буйство громов.
Зной царит на вершинах холмов.
Все съедобно — крапива и клевер...
Урожай посетил огороды
И плоды разложил на столе.
И умней, чем законы природы,
Нету власти на этой земле.

* * *

Квадрига мчится прочь по крышам града.
Куда ты, эллин? Здесь не тишь да гладь.
Россию тройка вывезет. Не надо
Четвертую кобылу припрягать.

Мы любим сани. Это не приснится
Тебе. Ты под фракийским солнцем рос.
По крышам разъезжаешь в колеснице,
Не простудись! — на улице мороз.

В твоей обуви по лесбийской слизи
Гулять. В российский мех укутай грудь!
Кати к Сапфо! А к нашей бедной Лизе
На тройке сваху мы отправим в путь.

* * *

До весны не слышать пастушью трубу,
Печь топить да грустить и снежном шуме.
И не надо пенять на лихую судьбу —
Все мы дети тревожных раздумий.

Рифмовать у окошка тюрьму и суму,
Созерцая декабрьскую местность.
Быть известным хотя бы себе самому —
Это данная богом известность.

* * *

Нету к прозреньям доверья!
В сердце обида и страх:
Стыдно ходить в подмастерьях,
Трудно ходить в мастерах.

Становлюсь свидетелем сегодня
Тех минут, когда рождался мир

КОСТЕР

А. Ильину

Можно ли познать рождение мира?
Суть его в огне погребена.
Но костер с надменностью кумира
Стережет былые времена.

Что ему? Он помнит день творенья.
Летописью пламя шелестит.
Жизнь костра — века, моя — мгновенья.
Почему ж за мною он следит?

Что тревожно думает о людях,
Пробираясь к утренней заре?
На рассвете дождь его остудит.
...Тайну пламя передаст золе.

ДЕРЕВЬЯ

Метели сгорбили сосну.
И стройный клен продрог.
Деревья ищут тишину,
Скитаясь вдоль дорог.

Ветвям, как крыльям,
Нужен взмах,
Корням — глоток воды.
Их приручают в городах,
Где парки и сады.

Им снятся шум грибных дождей
И птичьего голоса.
Деревьям тесно меж людей —
Они бегут в леса.

НОЧЛЕГ

Закат над сторожкой пунцов.
В сторожке зимуют сверчки.
Как ножницы, стрелки часов
Стригут мою жизнь на клочки.

Я слушаю вечера шум,
Скрипящий простуженный снег.
Лесник, молчалив и угрюм,
Меня приютил на ночлег.

Он в мир катаклизмов ушел,
Вчерашней газетой шурша.
Но все-таки как хорошо,
Что рядом живая душа!

Под скрип законной лозы
Легко задремлю у огня.
Под утро стенные часы
В дорогу поднимут меня.

РОЖДЕСТВО

Темен храм. Но светятся иконы.
Зимний праздник назван Рождеством.
Свечи раздувают капюшоны,
Словно кобры, перед божеством.

Я случайный гость в вечернем храме —
Временный язычник и поэт.
Здесь не бог с изящными перстами,
А природа излучает свет.

Темен храм. Печальна божья мать,
Но струится счастье из-под век.
Иисус Христос не угнетатель,
А всего лишь мудрый человек.

* * *

Крадется лишайник незримо
На крышу сырой каланчи.
Пейзаж, как рентгеновский снимок,
Контрастен в апрельской ночи.

Лиловым, пунцовым, зеленым
Не залит еще огород.
За ними дождей легионы
Апрель снаряжает в поход.

Луна колесом колесницы
Застряла в дорожной грязи.
И хочется сердцу молиться
Языческим веснам Руси.

* * *

Весна. Возят торф на поля трактора,
И лед убывает на срубе колодца.
Большая дорога. Морозно с утра,
А днем воробьи чистят перья в болотцах.

На пашне чернеет ольха, словно грач.
Хотя поскитался по белому свету,
Я снова в предчувствии близких удач
Лицо подставляю и солнцу и ветру.

Покажется лишнею рама в окне.
Мне жизнь подытожить вернется кукушка.
И снова отправлюсь бродить по стране,
Блуждать по лесам и гостить в деревушках.

То в старой копне отдохну не спеша,
То станет кроватью вагонная полка.
Порою и жизнь не совсем хороша,
Но хочется жить и свободно и долго.

* * *

Трюм баржи картошкой загружен,
Охрипший мотор мелет вздор.
А солнце в Маркизовой луже
Засолено, как помидор.

Забуду врагов и невзгоды —
Хватает иллюзий и грез!
Разбавили сумерки воду
Рассолом из ветра и звезд.

Шипит в сковородке картошка
О том, что заря хороша.
И хочется водки немножко,
И просит простора душа.

* * *

Возвратятся на родину птицы,
Теплый свет принесут на крыле.
И Перун в золотой колеснице
Плодородье подарит земле.

О, язычества детская вера
В перевозданность безлиственных дней!
Души предков — земли атмосфера.
Мы, живя, растворяемся в ней.

* * *

Земной шар
И огромный клен,
Возвышающийся над широким полем,
Напоминают
Мировые песочные часы.
Осенью золотистое время
Струится из клена вниз по стволу.
Крона пустеет.
Время замедляет бег.
Но когда начинает казаться,
Что оно замерзло и остановилось,
Весна переворачивает
Эти огромные часы.
Зеленое время,
Струясь из земного шара,
Стремительно заполняет крону клена.
Время не бывает бесцветным.

НЕБО

Зреет ячмень возле тихой реки.
Бродят в кустарнике козы.
Первое небо мое — васильки,
Небо второе — березы.

Нет у неба своей высоты,
Но миражи не случайны.
Из дому в детстве уводят цветы,
В юности — девушки, тайны...

В зрелости мудрость коснулась виска.
Вдоволь и соли и хлеба.
Но опустились до глаз облака —
Это последнее небо.

* * *

Звонят над покосами пчелы и осы,
Спят жаркие травы вразброс.
Медовое солнце. И вереск и сосны.
Желтеет залив, словно воск.

Короткое счастье. Забыты заботы,
Дремлю у воды на песке.
Но память, как соты, заполнит пустоты.
Затикаст время в виске.

Нахлынут заботы — и словно отравы
Глотну. И, лицо наклонив,
Сквозь черное солнце и черные травы,
Как в ночь, опрокинусь в залив.

* * *

Наступает ночь.
И деревня опрокидывается в космос.
С небес медленно спускаются
Созвездия.
Большая Медведица заползает
На крышу старого сарая.
Рыбы ныряют в обмелевший колодец.
А Козерог забирается в пустой хлев.
Космос оживает
В маленькой полузаброшенной деревне.
Миллионам звезд просторно
На ее единственной улице.
Почему же тесно людям?

* * *

В слепую изморось ночей
Трава бежит, журча.
И кнут стекает, как ручей,
У пастуха с плеча.

Наш сад и сумрачен, и тих.
И тяжела сирень.
И от холодных слез твоих
Опять не высох день.

Я стану к полночи мудрей —
Любимая, не плачь! —
И сброшу дождик у дверей,
Как отсыревший плащ.

* * *

Кипрей опалил пепелище.
Усыпан кувшинками пруд.
Смысл жизни растенья не ищут,
А просто растут и растут.

Природа не терпит сомненья,
Ее назначение — жить!
Она не терзает растенья
Вопросами: «Быть иль не быть?»

Заботы, заботы, заботы...
В них наша вина и беда.
Забыли, что частью природы
Мы были и будем всегда.

* * *

И волчье лыко, и медвежьи ушки...
Но звери не спешат на водопой.
Над берегом на выжженной опушке
Желтеет ядовито зверобой.

Витает над рекою запах гари.
Идет от грусти кругом голова.
Нет хутора. Давно иван-да-марья
Не люди, а цветущая трава.

Иными стали рощи и деревни.
Мы, забывая мудрость древних книг,
Уходим тихо в травы и деревья
И не вернемся, видимо, из них.

* * *

Из ветвей соберу навес.
Костерок разведет заря.
Птичье небо. Звериный лес.
И людские поля.

Но границ между ними нет.
Есть сомненья. И есть тоска.
Словно тени минувших лет,
Выше птиц летят облака.

ЖАРА

Пожухла трава на июльском лугу.
По ней знойный вечер пришел.
Пудовое солнце скатилось в реку.
Закат и багров, и тяжел.

Еще полчаса — и уже без огня
Дорогу домой не найти.
И давят на плечи свершения дня,
И гирею сердце в груди.

Ночлег не спасет. Неземная жара
Безжизненным сделала кров.
Устанет по телу блуждать до утра
Дурная тяжелая кровь.

* * *

Плеск дождя. Молний синие стрелы.
Небеса — опрокинутый пруд.
А березы — как весла галеры,
По пруду осторожно гребут.

Из окна — жизнь и тише и проще.
Не пропитан бессонницей тюль.
На окно, принесенный из рощи,
Словно лампу, поставлю июль.

Он ромашкой потянется к грозам,
Освещая в камине золу.
...Снова взгляд мой прикован к березам,
Словно раб на галере — к веслу.

УТРЕННЕЕ

Вдыхало меня мирозданье,
От молний ослепнув в ночи.
Но мне возвращали сознанье
Июльского солнца лучи.

И дух, пробуждавшийся в теле,
Озвучивал утром шаги.
А время над миром звенело
И горы стирало в пески.

* * *

Трепещут стволы, как сердца,
Деревья закутались в ветки.
Привет вам, седые леса —
Мои престарелые предки!

Я рад, словно детству, траве:
Осоке, хвою, иван-чаю...
И снова в болтливой листве
Друзей голоса различаю.

Не все наши чувства умрут
В урочищах быта и прозы.
Не влагой, а памятью пруд
Наполнят осенние грозы.

* * *

Отпуск. Будит драчливая птица.
И, забыв про начитанных дам,
В модном свитере, в вытертых джинсах
Низко кланяюсь юным грибам.

Улыбаюсь речным перекатам.
Я сегодня с природой в родстве.
Прочно, будто пеньковым канатом,
Влажной тенью привязан к траве.

Снова сердце покоем согрето
И шаги на тропинках легки.
Но желтеет обратным билетом
Остывающий берег реки.

* * *

Куда пойти? И пусто и светло.
И пугало на грядках стало лишним.
В осенний вечер забываешь зло,
Срывая притомившиеся вишни.

Парней и девок манит сеновал
Своим хмельным душистым покрывалом.
Давно ли урожай отпировал
И лето растащили по базарам!

Немало за спиною добрых дел.
Смолою пахнет от сосновой бани.
И пляшет веник, не жалея тел.
И хлебный квас качается в стакане.

* * *

Поет в ветвях невидимая птаха.
Врачуют память воля и простор.
Но траурною музыкою Баха
Наполнен до вершин вечерний бор.

Шепчу, отдав покой осенней тризне,
Ее пожарам в солнечной золе: —
Страшнее ада нет, чем ад при жизни,
И рая лучше нет, чем на земле.

* * *

Багровая заря. И ветренно. И стыло.
И рощи. И леса. Долины и поля.
Случайно увидав заросшую могилу,
Наверное, поймешь, как траурна земля.

И сразу оживет — «что будет» и «что было».
Превыше суеты бескрайняя земля.
Багровая заря. И ветренно. И стыло.
И рощи. И леса. Долины и поля.

* * *

Л. Беленцову

Лес. Болото. Покой и свобода.
Грузовик на опушке басит.
Клюква прячется в мох. Непогода.
Мелкий дождик с утра моросит.

Отколдуют в октябрьском убранстве
Над водой деревца, как волхвы.
И тревожно в промокшем пространстве
Смолкнет старческий шепот листвы.

Не увижу ни зверя, ни птицу
В стороне этой русской, лесной...
И уже ничего не случится
На вечернем болоте со мной.

* * *

И уже прозрачны тучи,
Словно первый лед.
Желтый жар листве горючей
Солнце отдает.

Босиком ушел из лета
В изморозь разлук.
Кто я? Просто вспышка света.
Мимолетный звук.

* * *

Когда дрожат от холода ракиты
И дремлют по чуланам топоры,
Какие мысли у деревьев скрыты
В извилинах коры?

По кронам ветер мечется по-рысьи,
Бессмысленно ища в ветвях ночлег.
К ним, потерявшим, словно память, листья,
Крадется первый снег.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Князь Октябрь на заре поседел,
Прорывая кольцо непогоды.
Листья, как наконечники стрел,
Осыпаются в мертвые воды.

А когда опустеет колчан,
Как монголы, промчатся бураны.
И луны восковая свеча
Озарит вековые курганы.

* * *

Крылом на ошупь ищет высоту
Ворона над церквушкою вечерней.
Умчались души предков в пустоту,
Отрекшись от земных трудов и тернийев.

Закатный луч обломит острие
В пустующих руинах древних зданий.
Непознанно и зыбко бытие,
Лишенное времен и очертаний.

Как хрупкие узоры изо льда,
Сквозь сумерки в садах проступят ветки.
Где ты, Господь? Неведомо куда
Уходят после смерти наши предки.

* * *

Облаков взлохмаченные стаи
Сеют мелкий дождик в темноту.
Оттепель! И кажется, оттают
Мамонты, застывшие во льду.

Ветер изменился. И немного
Стал добрей. Теряется в толпе.
Атеист, искавший в людях Бога,
В оттепель его нашел в себе.

ЛИШАЙНИК

Солнце на морозе коченеет,
Зимний лес оглох без певчих птах.
Белизна. И только зеленеет
Пятнами лишайник на стволах.

В пятнах замерзают сгустки света.
Ветер нянчит ветви на весу.
И лишайник, словно эхо лета,
Гаснет в обесцвеченном лесу.

Вечером вернусь, причастный к тайне,
В город, многоногий и рябой.
На проспекте зимнем, как лишайник,
Я погасну, стиснутый толпой.

* * *

Не пробьется даже робкий лучик.
Кажется — по всей земле метет.
Снежная простуженная туча,
Как налим, плывет на икромет.

Над седою церковью, над полем
И над лесом — таинство снегов.
День, лишенный солнца, против воли
Вышел из декабрьских берегов.

Потемнело, словно в преисподней,
Прячется в снегу следов пунктир.
Становлюсь свидетелем сегодня
Тех минут, когда родился мир.

* * *

Метеоритом
Перечеркнут вечер.
Густою тушью
Выплеснулась ночь.
И я, как предзакатный луч,
Не вечен.
Мне смертный зов земли
Не превозмочь.

Я, словно в дверь,
Стучусь в нее ногами,
Чтоб раствориться
В почве навсегда.
Ступнями слышу,
Как, дробясь о камни,
Поет из недр
Подземная вода.

Меня тревожит этот голос
С детства
На перекрестках
Мыслей и дорог..
Сомкнув над плотью
Землю в годы бедствий,
Вернется жизнь
В космический исток.

* * *

Дождь кончился. По трубам ночь стекла,
Оставив крышам воздуха движенье.
Мелеют, словно лужи, зеркала,
И резко проступают отраженья.

И журавель над срубом, и журавль
Над кочкою задумчивы и немы.
Мелеют сны, выплескиваясь в явь.
Как трещины, в рассвет бегут проблемы.

Отбросишь одеяло. Скрипнет пол.
Прижмешь стекло к щеке, рябой и колкой.
И в зеркале утонешь, груб и гол,
Оставив жизнь среди слепых осколков.

* * *

На скульптурах вороны, как стража,
Дремлют. Перед ними рыбаки
Ставят сети возле Эрмитажа,
Топят в невской нефти поплавки.

Дождь и снег. Такую непогоду
К нам послал Всевышний неспроста.
Как самоубийцы, смотрят в воду
Хмурые прохожие с моста.

* * *

Во время листопада
крик поздних белых птиц
похож
на звон лопающихся струн.
Октябрь сыграл на желтой гитаре
лебединую песню.

Мне снятся золотые закрома
Под стражей одряхлевших
колоколен

* * *

Пашу поля.
В морях веду суда.
Мне мать — земля,
А бабушка — вода.

Отцом стал свет.
Весенний день — купель.
Огонь — мой дед.
Планета — колыбель.

* * *

Благословлю крестьянский труд
И на чердак заброшу книжки.
Как хорошо, когда идут
С отцами в поле ребяташки.

Люблю, когда коса в руке,
Как птица утренняя свищет.
Но не люблю на сквозняке
По вечерам брести в жилище.

Все деревенские — родня.
Родство незыблемо и свято.
Вот только жаль, что у меня
Ни сына, ни отца, ни брата.

* * *

На солнцепеке зреет колос,
Вобрав окрестный шум лесов.
Острее слух и звонче голос,
Когда поют хоры возов.

Небесный свет на добрых ликах
У тех, кто с детства нянчит рожь.
И дремлет крупная черника
На кочках, как вечерний дождь.

* * *

Зной... В речке нежится карась.
Дождь спрятался в кадушке.
И, словно стадо, разлеглась
Деревня на опушке.

Какой незыблемый пейзаж!
Ни шума, ни движенья.
Земля похожа на мираж:
Покой и отрешенье.

Вечерний холодок зари
Не скоро пыль остудит.
...Но, приглядишь, уже вдали
Стога возводят люди.

* * *

В бурьяне спрятав старый дом,
Тропа умчалась прочь.
Зачем на счастье над прудом
Луну разбила ночь?

Один осколок — в небесах,
Другой — в гнилой воде.
Нет в доме стрелок на часах,
Под крышей — птиц в гнезде.

Июль. Пустые облака.
Слюда остывших луж.
И веры нет у старика
В переселенье душ.

НА БАЗАРЕ

- Цветочки не из Турции?
- Нет, парень, из Монголии!
- А есть у вас настурции?
- Купи, жених, магнолии!

Тряхнет цветастой блузкою
И засмеется молодо.
...Куплю ромашку русскую,
Что выросла под Вологдой.

* * *

Дождь прошел. В свеченье луж
перроны.

Взглядом тучу в небе не ищи.
И раскрылись люди, как бутоны,
С плеч стряхнув намокшие плащи.

Поезд полон сумрака и гула.
Меркнет обручальное кольцо.
...Слишком рано молния сверкнула —
Не увидел я твое лицо.

* * *

Утонули в листве
Деревянные кровли.
Приютились дома
У реки на холмах.

Запасаюсь грибами,
Свободой, здоровьем,
Чтобы жизни хватило
В моих закромах.

Я костры, как цветы,
Развожу на полянах.
Отдыхаю душою и телом
В лесу.
А под вечер
К становищу изб
деревянных
Комариную рать
Над плечами несу.

И люблю все вокруг,
И душою приемлю.
Наловлю карасей
В обмелевшем пруду.
Тихо падают ночью
На гулкую землю
Звезды, листья и яблоки
В нашем саду.

* * *

М. Немцеву

Любуюсь старинной церквушкой.
А где-то на красном паркете
Метафорой, как погремушкой,
Бренчат бородатые дети.

Не юный уже... и не старый.
И в угол не загнан грехами.
Меня расстреляли гитары.
Меня отравили стихами.

А где-то, а где-то, а где-то...
К чертям мезозойские дали!
Деревня, душистое лето
Меня заждались на вокзале.

И рельсы блестят, и стрекозы...
Скорее на родину родин!
Там русская речь, как березы,
Чиста в деревенском народе.

ЛЕТО

Утренний луч обогреет подушку.
В дряхлой сторожке проснусь.
И над рекою услышав кукушку,
Ей улыбнусь.

Запах цветов, земляники и дыма.
Лодка. Морщинистый плес.
Солнышком скатится юность незримо
В рощу берез.

* * *

На пары птичьи стаи
Рассыпались вдали.
Последний снег растаял,
И вишни зацвели.

Но не поет в светелке
Сверчок. Упал плетень.
Есть новые поселки —
Нет новых деревень.

* * *

Я не вспомню дедову науку:
В тихой церкви не зажгу свечу.
Третий сын в семье — поймаю щуку,
По Руси на печке покачу.

Печь сама найдет свое кочевье,
Ей не надо сена и подков.
Хорошо, что на Руси издревле
Люди очень любят дураков.

* * *

Помнят здесь старинные законы.
И по-русски просто говорят.
А старухи в черном, как вороны,
На скамьях осиновых сидят.

Мудрые они и верят в бога,
И творят молитвы против бед.
Но в бурьяне прячется дорога,
И детей давно в селенье нет.

И, на миг забыв святого духа,
Кутаясь в дырявое пальто,
Плачет журавлям вослед старуха:
«Где ж ты, Русь, совьешь себе гнездо?»

К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

В похмельных душах нету места богу.
И суждено домам бесхозно гнить.
Нанизаны деревни на дорогу,
На ней — асфальт, но некому ходить.

Одних в боях повыбило, а после
Других к себе сманили города.
Бог не поможет... Если землю бросят,
То значит жди — пожалуй беда.

Так и случилось... Ничего нет горше,
Чем запах гнили в брошенных снях.
В день Троицы людей увидишь больше
На кладбищах, чем в русских деревнях.

* * *

Робко утро греется в сарае,
Май осоловел в дурмане трав.
Что же можжевельник вымирает
У залива, словно динозавр?

Над водою кружатся вороны.
Вылинял бензин на берегу.
Вместо раков радужные волны
Ползают по черному песку.

И никто природу не услышит,
И не станет правый суд вершить.
И тоска, что кажется — не выжить...
Правда, все равно придется жить!

* * *

Люблю дороги и леса, как братьев и сестер.
Я искру посажу в ночи — и вырастет костер.

Пыля, дороги приползут погреться у огня
И поведут свой хоровод леса вокруг меня.

Ночные птицы прилетят. И прибежит зверье.
Набьются комары в шалаш —
отшельничье жильё.

Заговорит и запоеет разбуженный простор.
О, как огромен этот мир, когда горит костер!

СТАРУШКА

Пост из-за печки старушке сверчок,
Цветут на комодке открытки.
И смотрит подсолнуха черный зрачок
В слепое окно у калитки.

Дряхлеет... Все реже из ветхой избы
Выходит в боры и дубравы.
Уже собирает гнилые грибы
И сушит над печкою травы.

Она не считает, как прежде, года,
Не думает: сколько осталось.
В душе отстоялась, как будто вода,
Святая безмолвная старость.

* * *

Вечереют сосен кроны,
Пламя прячется в золе.
Словно к трубке телефонной,
Припаду виском к земле.

И проступят предков речи
Сквозь ордынский скрип телег.
И в земле назначит встречу
Мне скуластый имярек.

Что смогу ему ответить?
Встреча лет через полста.
В тишине провиснет ветер
Меж стволов, как провода.

* * *

Тропинка бежит со двора
Заглавного строчкой анкеты.
А мама добра и стара —
Исполнилось семьдесят летом.

У мамы на окнах цветы.
Под окнами старый колодец.
Соседи, как правда, просты.
Один я здесь как инородец.

Солятся в бочонке грибы,
И вялится рыба под крышей.
В игре бесприютной судьбы
Я детство домашнее слышу.

Шурша облетает листва —
С ней ветер вступает в беседу.
Я счастлив, что мама жива.
Мне жаль, что отсюда уеду.

* * *

Доят коров, надев косынки,
Хозяйки в хоре петухов.
И накрывает мама крынки
Моими книжками стихов.

О ветре утро вспоминает,
Спросонья дышится легко.
Стихи чисты. И мама знает:
От них не скиснет молоко.

* * *

Тянет сыростью
От почерневшей реки.
Листья дремлют
В разошедшихся кадках.
Синий холод капусты
Свернулся в вилки
На обмякших
Коричневых грядках.

Волчья даль за селом.
Ястребиная высь.
Красны яблони,
Словно закаты.
Замирают устало
Природа и жизнь,
Обнажаясь
На грани утраты.

* * *

Шумит мосластая крапива.
Скрипят деревьев позвонки.
Здесь возле бани цедят пиво
Мужчины, хмуры и крепки.

Мужчин домой уводят жены,
А дома — тещи и тоска.
Районный центр. Свои законы.
Уклад, застывший на века.

* * *

Дух грибной от замшелых кочек.
Утомленно ручей журчит.
Утро тенькает, день стрекочет,
Вечер каркает, ночь молчит.

Удивительно мир изменчив
Под прохладной листвой небес.
Ни врагов, ни друзей, ни женщин...
Только в осень плывущий лес.

* * *

Повадился ветер листву воровать.
Дождь льет, как из рваного сита.
Мне душу от родины не оторвать —
Как будто гвоздями прибита.

К себе не заманят ни тундра, ни степь...
Болею в краю незнакомом.
Посажена детством на длинную цепь
Душа возле отчего дома.

Вновь осень, как баба, грузна и свежа,
Полощет пеленки в болоте.
Стремится не в космос больная душа,
А в дом, где укуталась плотью.

В ДОРОГЕ

Кустик оконной герани
Звездною нитью прошит.
Горка чаинок в стакане,
Как муравейник, дрожит.

Тишь. Улеглась непогода.
Грею стаканом ладонь.
В сердце — покой и свобода.
В печке мурлычет огонь.

Можно курить сигарету,
Можно на лавку прилечь.
Ночью, тоскуя по свету,
Ищем избушку и печь.

* * *

На кольях гниют невода,
Округа дождливая спит.
Протухла живая вода,
А мертвой разбавили спирт.

Вес здесь и не то, и не так...
Но стоит лишь солнцу пригреть —
У моря похмельный рыбак
Починит прогнившую сеть.

* * *

И мороз, и ветерок тщедушный.
Снежной птицей на земле зима.
Солнце в небо,
Словно шар воздушный,
Поднимает на дымах дома.

А в домах — веселый свет улыбок.
Здесь привыкли ближнего любить.
Как огромен мир!
Но как он зыбок!
Не забудь его благословить.

* * *

Гладиатором шмель
Между рамами замер.
Я душой египтянин,
Китаец и грек...
Иероглифы лип.
Ночь длинна, как гексаметр.
И папирусом лег
На поля первый снег.

Иероглифы лип.
В поле — клинопись заячьих
строчек.
Неземное свеченье
Березовых белых туник.
Сколько ж ты растеряла, душа,
по векам
Оболочек?
А теперь вот грустишь
Поименно о каждой из них.

* * *

Цыганские крымские зори.
Сияние скифских небес.
Из амфор античное море
Взывает: «Проснись, Херсонес...»

Развалины древнего храма.
И дикий кустарник вокруг.
Разыграна временем драма:
Не будет ни встреч, ни разлук.

Ахейские песни забыты.
Но слышу в молчанье колонн
Таинственный зов Афродиты,
Над нею не властен Харон.

* * *

Светильник в храме призрачно дымит.
Нил. Фараон. Рабов немые души.
У сфинкса от жары повисли уши,
Он, словно пес, лежит у пирамид.

Устали без дождя и без росы
Оазисы — египетские крохи.
Пустыня, как песочные часы,
Отсчитывает медленно эпохи.

Песком заносит мраморные плиты.
В песке осколки мраморных столбов.
И нет ни фараона, ни рабов.
Лишь дремлет сфинкс. И дремлют
пирамиды.

* * *

Однажды я вернусь под отчий кров,
Когда из обихода сгинут войны.
Сниму шинель. Пойду пасти коров.
Там лес и поле. Там всегда спокойно.

Мне кто-то скажет: «Ты сошел с ума...»
Но я душой не перекасти-поле.
Мне снятся золотые закрома
Под стражей одряхлевших колоколен.

Бредут коровы в солнце и пыли.
Стрекозы в омутах целуют воду.
Хотя отвыкли руки от земли,
Не разучился чувствовать природу.

* * *

При рождении,
Когда вспыхивает сознание,
Планета похожа
На пустую котомку.
Помимо нашей воли
Она заполняется
Песнями птиц,
Шумом лесов,
Голосами людей...

Но когда, умирая,
Словно тяжелый рюкзак,
Взваливаем на плечи
Земной шар,
Идти уже некуда.

* * *

В. К.

Явления не было. Вода
Разбавлена луной.
Печально черная звезда
Сгорела надо мной.

Сочится кислый полумрак
На яблоко в руке.
Я потерялся, как пятак,
У ночи в кошельке.

НА ЛЕСНОМ ПЛЯЖЕ

На песке, словно мрамора белые глыбы,
Неподвижны. Наш сон охраняют ужи.
Это светлое море наплакали рыбы,
Налетали высокое небо стрижи.

Над водой — паруса. Жарких сосен иголки
Осыпаются вниз. Птичий свист —
из кустов.
Словно амфоры — наши тела. Мы осколки
Древних царств и приморских больших
городов.

Южный ветер крушит облака-монументы,
Тени рушатся в море. Резвятся стрижи.
Мы лежим. Мы растаем в песок.
Мы бессмертны.
Мы вернемся бесплотные, как миражи.

НОВОСЕЛЬЕ

Горой свалены в комнате
чемоданы и коробки с вещами.
За окном, словно Фудзияма,
клубится кучевыми облаками
алтайский хребет.
Как уютна хижина,
вышитая на занавеске!

И годы идут, как солдаты,
В «последний, решительный
бой...»

* * *

Меркнут церковей купола.
Крышами ливень расколот.
Словно копирка, легла
Ночь на тускнеющий город.

Мой самолет в вираже
Выкраден тучею серой.
Но проступает в душе
Графика улиц и скверов.

Это виденье уйдет —
Я над судьбою не властен.
Скоропостижный полет.
Скоропостижное счастье.

* * *

Читаю книги. Кофе пью.
Придут и прочь уйдут заботы.
На рынке зяблика куплю.
И разучу лесные ноты.

Ко мне протянет краснотал
Свои стремительные ветки.
Забуду все, о чем читал.
И вспомню все, что знали предки.

* * *

О. Осипову

Сердце поэта — золотое перо.
Им он пишет стихи.
А карандашом,
Словно градусником,
Измеряет температуру души.
Сердце останавливается тогда,
Когда сломаны все карандаши.

* * *

Лицо улицы
Утром —
В шелковых улыбках девушек.
Днем —
В косметике светофоров
И выхлопных газов.
Вечером —
В пощечинах неоновых реклам.
Ночью
Улица прячет лицо
В мягкую подушку сквера.

* * *

Черен сквера безлиственный остов,
А листвою забит водосток.
Разлинован Васильевский остров
Аккуратно, как школьный листок.

Опускается сумрак на крыши.
Замерзает трамвай на бегу.
Поздней ночью следами напишем
Расставанья на первом снегу.

И оплачем листву. И оплачем
Мы осенних подруг и друзей.
И зимою свиданья назначим.
И зайдем обогреться в музей,

* * *

Из тамбура нахально лезет холод.
Живу во имя, а не вопреки...
Я не чужак! И заполярный город
Еще не сдал в архив мои шаги.

Командуют метелями вороны
На снежных баррикадах января.
Еще не в тупике мои вагоны
И привокзальный хлеб жую не зря.

Затравленный словами и делами,
Я кутаюсь в столичное пальто.
Просеиваю прошлое сквозь память
Я в тамбуре, как через решето.

* * *

Скомкав ночь
Небрежно
На постели,
Выхожу стремительно
Во двор.
Крови тесно
В постаревшем теле,
Поманил ее
Земной простор.

И рассвет не скоро,
А не спится —
Непонятен
Зов ночной тоски.
Бьется кровь,
Как пойманная птица,
Задевая крыльями
Виски.

* * *

Дождик. Темно И липко.
В сквере ночном кружу.
Словно в футляре — скрипку,
Тело в плаще ношу.

Звездами пахнут лужи.
Космос прилип к ногам.
Я никому не нужен,
Даже моим врагам.

Утро. Светло и зыбко.
Дождик умчался вскачь.
Тело поет, как скрипка,
Песню не глушит плащ.

ТЕНЬ

Не стал спокойным мудрецом,
А жил, покой кляня.
И тень безумным близнецом
Измучила меня.

Она и с другом, и с врагом
Шепталась за спиной,
И во дворце под потолком,
И на полу в пивной.

И, повторяя каждый жест,
Не потеряла след.
Ее несут, как тяжкий крест,
Туда, где света нет.

* * *

Сначала жил красиво и крылато.
Слетелись беды на веселый свет —
И вот уже в былое нет возврата.
Лишь в памяти остался яркий след.

А после жил бездумно и халатно —
За неудачи некого винить.
Рассыпал годы — не собрать обратно.
Лишь память может их соединить.

Теперь, ведомый думой неземною,
Иду по жизни, помыслы тая,
И памятью, как нищенской сумою,
Я собираю крохи бытия.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

День дотла сожгли перепела.
Вспоминаю — и мороз по коже.
Это было... это было тоже...
Неужели жизнь моя прошла?

Промелькнул оркестр перед лицом —
Бах взметнулся, будто нефть из скважин.
Кинофильм с трагическим концом —
Эта жизнь. Ее не смотрят дважды.

* * *

Телевизор,
Словно голубой спрут,
Вцепившись в меня
Электромагнитными щупальцами,
Высасывает свободное время.

Наступила эпоха
Научно-технического людоедства.

В ГОРАХ

Привет тебе, подоблачная глушь,
Крутых ветров вершинная обитель.
Слетают с неба стайки светлых душ,
Века сиявших звездами в зените.

Разрушена родительская власть
Состарившейся матери-природы.
И лишь в горах, над кручами кружась,
Нас осеняет древний дух свободы.

* * *

Я иду постепенно на слом:
Годы сносят меня, словно дом.

Оседаю, делами зажат.
Даже мысли, как мыши, шуршат.

Прогибаются плечи от бед,
Словно крыша под тяжестью лет.

Из таблеток — подпорки и щит.
И бульдозером старость ворчит.

* * *

Земля размякла — глушит каждый звук.
Немая дрожь охватывает хвою.
И греется сентябрь клубком гадюк
На вырубке, усыпанной листвою.

Вздымает ветер желтые столбы
Листвы... и рассыпает на болоте.
И сам я, собирающий грибы,
Теряю ощущение брэнной плоти.

То растворяюсь в щебете синиц,
То уплываю в облаке белесом.
И нет ни расстояний, ни границ —
Я становлюсь в лесу осенним лесом.

* * *

Вечер. Подруга хмельная.
Ты перед нею речист.
Маятник время пинает,
Будто лихой футболист.

Песен гитарная накипь.
Слезы. И кухонный чад.
А за окном, как собаки,
Глухо машины ворчат.

Прошлое — рана сквозная.
Будешь курить до утра.
Маятник время пинает —
Длится без правил игра.

* * *

Рассовал заботы по карманам,
Словно адреса былых подруг.
И вперед... Да на прямую рано
Вздумал выходить. Попал на круг.

Сбросил конь — не удержало стремя.
Время оседлал, но невпопад.
И зарылся в годы, словно в землю.
Тиканье часов, как звон лопат.

* * *

А поэт разлюбил — и умолк!
Нет ни песни, ни крова, ни пищи.
Словно в чаще затравленный волк,
Тихо спрятался нож в голенище.

А скандальная слава растет,
Как тяжелая тень на закате.
Нет! Поэта никто не спасет —
За молчанье он кровью заплатит.

Не помогут ни храм, ни вокзал,
Если муза перо уронила.
Но Есенин ему доказал
То, что кровь — неплохие чернила.

* * *

Я в тихий сон вплывал
Под парусами рваными,
Как в Лету.
Но вином был грубо изгнан
прочь.

И молча выпил ночь
Гранеными стаканами,
Хотя не знал того,
Что можно выпить ночь.

Я чувствовал лицом
Дыханье стылой вечности.
И пламенем в углах
Метался полумрак.
И не было в моем скиту
Мирской беспечности.
И друг спешил ко мне
Сквозь сотни лет,
И враг...

Но прерван был мой пир
Дождями оловянными,
С которыми рассвет
Пришел окно толочь.
Я молча выпил ночь
Гранеными стаканами,
Хотя не знал того,
Что выпил эту ночь.

* * *

Ни людская лесть, ни грозный скипетр
Не заменят песню камыша.
Там, где сфинксы стерегут Египет,
Странствует бездомная душа.

Ни Христа в моей душе, ни Будды...
Лишь Осирис путнику знаком.
Будто кобры, хмурые верблюды
В полдень тянут шеи над песком.

Прячут пальмы свежий ветер в кронах,
Тают миражи и здесь и там.
И незримо тенью фараона
Жизнь бредет за мною по пятам.

ЦЫГАНЕ

Чайные ложки в стаканах
Звонко ведут разговор.
Тамбур как табор.
Цыгане
Чай пьют и теплый кагор.

А ревизор завтра в поле
Будет ругаться им вслед.
Вольным останется воля.
Вольным не нужен билет.

* * *

В гулкой мастерской осени
Самозабвенно работает
Скульптор — мороз.
Пытаясь запечатлеть жизнь,
Он создает на разбитых дорогах
Композиции
Из следов людей, зверей и птиц.
Природа под его руками
Впадает в анабиоз,
Становится единой скульптурой.
И тогда мороз набрасывает
На свои творенья
Белое снежное покрывало.
В марте это покрывало,
Шурша, сползает в ручьи и реки.
А следы оживают и разбегаются
По всей планете,
Доказывая, что жизнь выше искусства.

* * *

Погибла юность, словно Атлантида,
В крутых волнах привычек и обид.
Читаю на причале Еврипида,
Врачует душу мудрый Еврипид.

Стареют люди — море не стареет.
Зачем же просим: «Господи, прости...»?
У древних все и проще и мудрее,
И нам до них расти — не дорасти.

Вершим дела, свиданья назначаем,
Забыв о том, что все-таки умрем.
И только перед смертью замечаем:
Слепыми бродим в полдень с фонарем.

* * *

Временами Россия
Напоминает крейсер при Цусиме.
Еще есть снаряды,
Еще хватает мужества и терпения,
Но на мостике
Подумывают о том,
Чтобы открыть кингстоны.

* * *

Осенний дождь
Влажными пальцами,
Словно струны арфы,
Перебирает прутья
Решетки Летнего сада.
Но мраморные боги
Не слышат этой музыки.
Их в деревянных машинах времени
Отправили в весну.

* * *

Досаждают пьянки и простуды.
Гибнем от инфарктов и ножа.
Кладбище — приемный пункт посуды,
Что хранила пламя мятежа.

Предают друзья. Жена ласкает.
Но всему есть время и предел.
Души, словно джиннов, выпускает
На свободу смерть из наших тел.

В ПАРКЕ

Скоро над парком воскреснет
Дождь. Но грустит человек.
Словно забытая песня,
Спит в репродукторе снег.

Скоро фонтаны, как змеи,
Выползут к солнцу из нор.
Счастье теряя, немеет,
Но обретаем простор.

* * *

В талой воде по колено
Окоченевшие липы.
Мечется, изнемогая,
Ветер простуженно-хриплый.

В позеленевших почках
Бродят земные соки.
Не потому ль теплеют
Губы, глаза и строки?

Чувствую обновленье
Памяти и природы.
Порозовели липы.
Порозовели воды.

Щедро бросая крохи,
Кормит синиц старуха.
Песню о сокровенном
Ветер донес до слуха:

«Если любить, то жарче.
Если жалеть, то проще».
Слушает ранний вечер.
Слушают луг и роща.

* * *

Мозг человека —
Копия земного шара.
Засоряя планету,
Засоряем свои мысли.
Прыжок в космос —
Бегство со свалки.
Но станем ли чище?

* * *

Тревоги. Ученья. Походы.
И стужа. И ливни. И зной.
В колонну становятся годы,
Как взвод, за моею спиной.

Куда их веду одержимо,
Забыв, что на финише — смерть?
И рушатся в сердце режимы,
Мешавшие думать и петь.

Красны, словно знамя, закаты.
Страна не сыграет отбой.
И годы идут, как солдаты,
В «последний, решительный бой...»

ВОПРОСЫ

Не все во Вселенной старо.
Не все яркой жизнью согрето.
Кто выстрелил это ядро,
Что мы называем планетой?

Озонным зрачком небосклон
За нами следит молчаливо.
Что делим, как стая ворон,
Всего за мгновенье до взрыва?

* * *

Пока Млечный путь непролазен,
Я слушаю солнечный свет.
Приемник космической связи
На людной планете — поэт.

В бессмертье нацелены гены,
Как стая космических стрел.
Планета — теплица Вселенной,
Но разум еще не созрел.

СОВЕТ ДРУГУ

Не спеши пенять,
А спеши понять.

Если на кон — честь,
Значит выбор есть:

Или жизнь положить,
Или жить во лжи.

МОИ СТИХИ

Одни за просчеты бранят,
Другие казнят за удачу.
В стихах своих каюсь и плачу,
Но даже за это винят.

Да, я виноват! Но стихи —
Прощенные богом грехи.

ОБ АВТОРЕ

Борис Александрович Орлов родился в 1955 году в деревне Живетьево Ярославской области. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского и Литературный институт имени А. М. Горького. Несколько лет служил на атомных подводных лодках Северного флота. В настоящее время живет в Кронштадте.

Борис Орлов — участник 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей (1979), автор нескольких книг стихов, вышедших в Москве и в Мурманске. Член Союза писателей России.

В стихах Бориса Орлова нашли выражение светлые, грустные и трагические стороны жизни и его раздумья о ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Орлов. Мостик между прошлым и будущим. 5

РОЖДЕН ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «РЫБЫ»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	9
ЗАЛИВ	10
«В нейтральных глубинах спуют корабли...»	11
В ЛЕНИНГРАДЕ	12
УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ	14
«Осторожно проклюнулся день...»	15
«Литые волны хмурого залива...»	16
Они в списках павших не значатся...»	17
КАРТИНА	18
«Юность прошла словно грипп...»	19
«Опять поминки... Горькие слова...»	20
«Гудит планета, словно барабан...»	20
«Нам казался веселым и сирым...»	21
ШУТКА	22
«Вокзал. Бессонница. Фрамуги...»	22
«Словно белые ангелы...»	23
ШТОРМ	24
«Ночь навалилась...»	24

Г «остиничная койка...»	26
«Мы не против наград и чинов...»	26
В РЕАКТОРНОМ ОТСЕКЕ	27
«С Севера вынырнув, словно из проруби...»	28
В ДОМЕ ОТДЫХА	29
«Полуподвал. Коммуналка...»	30
НА АТОМНОМ ПОЛИГОНЕ	31
«Камни, кусты, пригорки...»	31
«Зачем мы враждовать должны?..»	32

**КОГДА ЛОМАЕТСЯ ЭПОХА,
ТРЕЩАТ И СУДЬБЫ, И ХРЕБТЫ**

ПЕСНЯ	35
«Фемида Землю держит на весах...»	37
«Мы со времен царя Гороха...»	38
«И обматерят, и псы облают...»	38
«— Не плачь, мать, не убьют...»	39
МОНОЛОГ ЕСЕНИНА	40
«Древний Кремль и Колыма...»	41
1938-й ГОД	41
«Почаще Христа вспоминайте!..»	42
«Молью изъеденный год...»	42
В СТОРОЖКЕ	43
ОТЦУ	44
ВОЗВРАЩЕНИЕ	44
ИНВАЛИД	45
«Уже не действует снотворное...»	45
В ДЕНЬ ПОБЕДЫ	46
«В июле стог сметал отец...»	46

«России основа...»	47
«И вмешаются боги...»	47
«Проточная Москва...»	48
«Россия... И солнце, и сырость...»	49
«На честных вождей недород...»	50
«Висячий мост и веера ветвей...»	51
«Меня и поймут и простят...»	52
ГИТАРИСТ	53
ГОРОД	54
«В выходной машину у развилки...»	55
«Забор. Сорока на калитке...»	55
«Колокол безъязыкий...»	56
«Во времена Голгофы...»	56
БЕСПАМЯТНЫМ	57
«Бах мечется в органе...»	57
НА ДАЧЕ	58
БОЛЬНИЧНЫЕ СТИХИ	58
«Циферблат подсолнуха раздавлен...»	59
«Отчадит в саду слепая ссора...»	59
«Переходный возраст. В рукаве...»	60
«Бунтует похмельное племя...»	60
«Мир, не охраняем дипломатами...»	61
«И тяжело, и больно...»	61
ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН	62
«В Сахаре — пирамиды...»	62
«И очаг наш порою тух...»	63
«Я в прошлое вхожу...»	64
ЭХО	66
«Настольная лампа...»	66

«Приходите ко мне на поминки...»	68
«И пророки мы, и мессии...»	68
«Я отошел от алтаря...»	69
«Ни вождю не доверюсь, ни богу...»	70
«Квадрига мчится прочь по крышам града...»	71
«До весны не услышать пастушью трубу...»	72
«Нету к прозреньям доверья!...»	72

СТАНОВЛЮСЬ СВИДЕТЕЛЕМ СЕГОДНЯ ТЕХ МИНУТ, КОГДА РОЖДАЛСЯ МИР

КОСТЕР	75
ДЕРЕВЬЯ	76
НОЧЛЕГ	77
РОЖДЕСТВО	78
«Крадется лишайник незримо...»	79
«Весна. Возят торф на поля трактора...»	80
«Трюм баржи картошкой загружен...»	81
«Возвратятся на родину птицы...»	81
«Земной шар...»	82
НЕБО	83
«Звенят над покосами пчелы и осы...»	84
«Наступает ночь...»	85
«В слепую изморось ночей...»	86
«Кипрей опалил пепелище...»	87
«И волчье лыко, и медвежьи ушки...»	88
«Из ветвей соберу навес...»	88
ЖАРА	89
«Плеск дождя. Молнии синие стрелы...»	90

УТРЕННЕЕ	91
«Трепещут стволы, как сердца...»	92
«Отпуск. Будит драчливая птица...»	93
«Куда пойти? И пусто и светло...»	94
«Поет в ветвях невидимая птаха...»	94
«Багровая заря. И ветренно. И стыло...»	95
«Лес. Болото. Покой и свобода...»	96
«И уже прозрачны тучи...»	97
В ОБЩЕЖИТИИ ЛИТИНСТИТУТА	98
«Когда дрожат от холода ракиты...»	99
ПЕРВЫЙ СНЕГ	99
«Крылом на ощупь ищет высоту...»	100
«Облаков взлохмаченные стаи...»	100
ЛИШАЙНИК	101
«Не пробьется даже робкий лучик...»	102
«Метеоритом перечеркнут вечер...»	103
«Дождь кончился. По трубам ночь стекла...»	104
«На скульптурах вороны, как стража...»	105
«Во время листопада...»	105

МНЕ СНЯТСЯ ЗОЛОТЫЕ ЗАКРОМА ПОД СТРАЖЕЙ ОДРЯХЛЕВШИХ КОЛОКОЛЕН

«Пашу поля...»	109
«Благословлю крестьянский труд...»	109
«На солнцепеке зреет колос...»	110
«Зной... В речке нежится карась...»	111
«В бурьяне спрятав старый дом...»	112
НА БАЗАРЕ	113

«Дождь прошел. В свеченье луж перроны...»	113
«Утонули в листве...»	114
«Любуюсь старинной церквушкой...»	115
ЛЕТО	116
«На пары птичьи стаи...»	117
«Я не вспомню дедову науку...»	117
«Помнят здесь старинные законы...»	118
К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ	119
«Робко утро греется в сарае...»	120
«Люблю дороги и леса, как братьев и сестер...»	121
СТАРУШКА	122
«Вечереют сосен кроны...»	123
«Тропинка бежит со двора...»	124
«Доят коров, надев косынки...»	125
«Тянет сыростью...»	126
«Шумит мосластая крапива...»	127
«Дух грибной от замшелых кочек...»	127
«Повадился ветер листву воровать...»	128
В ДОРОГЕ	129
«На колях гниют невода...»	130
«И мороз, и ветерок тщедушный...»	130
«Гладиатором шмель...»	131
«Цыганские крымские зори...»	132
«Светильник в храме призрачно дымит...»	133
«Однажды я вернусь под отчий кров...»	134
«При рождении...»	135
«Явленья не было. Вода...»	136
НА ЛЕСНОМ ПЛЯЖЕ	137
НОВОСЕЛЬЕ	138

**И ГОДЫ ИДУТ, КАК СОЛДАТЫ,
В «ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ...»**

«Меркнут церквей купола...»	141
«Читаю книги. Кофе пью...»	142
«Сердце поэта — золотое перо...»	142
«Лицо улицы	143
«Черен сквера безлиственный остов...»	144
«Из тамбура нахально лезет холод...»	145
«Скомкав ночь...»	146
«Дождик. Темно И липко...»	147
ТЕНЬ	148
«Сначала жил красиво и крылато...»	149
ВЕЧНАЯ ТЕМА	150
«Телевизор, словно голубой спрут...»	151
В ГОРАХ	151
«Я иду постепенно на слом...»	152
«Земля размякла — глушит каждый звук...»	153
«Вечер. Подруга хмельная...»	154
«Рассовал заботы по карманам...»	155
«А поэт разлюбил — и умолк!..»	155
«Я в тихий сои вплывал...»	156
«Ни людская лесть, ни грозный скипетр...»	157
ЦЫГАНЕ	158
«В гулкой мастерской осени...»	159
«Погибла юность, словно Атлантида...»	160
«Временами Россия...»	160
«Осенний дождь...»	161
«Досаждают пьянки и простуды...»	161

В ПАРКЕ.....	162
«В талой воде по колено...»	162
«Мозг человека...»	163
«Тревоги. Ученья. Походы...».....	164
ВОПРОСЫ	165
«Пока Млечный путь непролазен...»	165
СОВЕТ ДРУГУ.....	166
МОИ СТИХИ.....	166
Об авторе.....	167

Орлов Борис Александрович

ПРОЗРЕНИЕ

Стихи

Верстка: *Д. А. Петров*

Обложка: *И. М. Михайлова*

Подписано в печать 08.10.2025.

Формат 70×100 ¹/₃₂.

Объем 5,5 лист. печ. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 34-25.

Отпечатано в полном соответствии
с предоставленным оригинал-макетом

ИП Петров Д. А.

195176, Санкт-Петербург, Среднеохтинский пр., д. 55.

da-petrov@yandex.ru

Борис Александрович Орлов родился 7 марта 1955 года в деревне Живетьево Ярославской области в семье офицера-фронтовика.

Окончил Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского (1977) и Литературный институт имени А.М. Горького (1985). В обоих высших учебных заведениях дипломы защитил на «отлично».

Работал в газетах «На страже Заполярья» и «Советский моряк», главным редактором газеты Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений в Санкт-Петербурге «Морская газета».

Начиная с 2005 года, Борис Орлов трижды избирался председателем правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, с 2009 года по настоящее время — сопредседатель Союза писателей России.

